

А. К. Нефёдкин

Вооружение готов: свидетельства письменных источников в сопоставлении с данными археологии

A. K. Nefedkin.

Armament of the Goths: Written Records versus Archaeological Evidence.

According to the ancient German tradition, the main body of the Gothic infantry consisted of shield-bearers armed with various spears for the long-range combat, and a sword and a dagger for close combat. A large shield provided an effective protection to the warrior, making any other protective armor unnecessary. With these large shields the Goths used to compose their traditional military formation known as "shield wall", which was an efficient defense against enemy's missiles. Written sources suggest that the Gothic (and especially Visigothic) archers were more skillful skirmishers than their Western relatives. Cavalry seems to have been better developed with Ostrogoths, as an effect of influence from nomadic Sarmatians and Alani. If in late 5th century, the Gothic horsemen were mainly mounted infantrymen, after conquest of Italy some of them actually became cataphracts. Riding horses protected in Byzantine manner and armed with lances like Sarmatians, driven by tribal "heroic" ethos, they preferred close combat. Visigoths preserved pure German military traditions, and cavalry became important to them much later, in Gallia and Hispania. Even though, it still preferred to fight mainly with missiles and defend by shields, while mounted lancers, probably armed in the Roman-Sarmatian manner, were less common.

A. K. Nefedkin.

Armamentul goților: dovezile din surse scrise în comparație cu datele arheologice.

Cea mai mare parte a infanteriei gotice, după tradiția germană antică, reprezenta purtători de scuturi înarmați cu sulite de diferite tipuri drept arme pentru luptă la distanță și cu o sabie și un pumnal pentru luptă corp la corp. Un scut mare îl apăra pe ostaș în mod destul de eficient, nefiind nevoie de alte echipamente de protecție. Anume cu ajutorul unui scut goții formau tradiționalul lor „zid de scuturi”, care acoperea în mod eficient împotriva atacurilor inamice. Potrivit surselor, se creează o impresie că tirul era mai dezvoltat la vizigoți, decât la frații lor din vest. Cavaleria era mult mai dezvoltată la ostrogoți, sub influența nomazilor sarmațieni și alani. Dacă la sfârșitul sec. V călăreții gotici în mare măsură reprezentau infanteria călărească, atunci după cucerirea Italiei, aceștia au ajuns parțial chiar catafracte, protejate în stil bizantin și înarmate, după model sarmatic, cu sulite, preferând lupta corp la corp, asupra căreia și-a lăsat amprenta și etosul tribal „eroic”. Vizigoții au păstrat în formă mai pură tradiții germanice militare, iar cavaleria la ei a căpătat importanța mai târziu, în Galia și Spania, însă și aceasta continua să lupte preponderent cu armele de aruncare, acoperindu-se cu scuturi, în timp ce sulitașii călăreți, înarmați eventual după modelul romano-sarmatic, se bucurau de mai puțină popularitate.

A. K. Нефёдкин.

Вооружение готов: свидетельства письменных источников в сопоставлении с данными археологии.

Основная масса готской пехоты по древнегерманской традиции представляла собой щитоносцев, вооруженных различного рода копьями в качестве оружия для дальнего боя и мечом и кинжалом для ближнего. Большой щит достаточно надежно защищал бойца, не делая необходимым прочее защитное вооружение. Именно с помощью большого щита готы составляли свое традиционное боевое построение «стену щитов», эффективно прикрывавшее против метательных снарядов врага. По источникам складывается впечатление, что стрельба была более развита у визиготов, чем у их западных сородичей. Конница была более развита у остроготов, у которых она получила развитие под сармато-аланским кочевым влиянием. Если в конце V в. готские всадники были

во многом едущей пехотой, то после завоевания Италии они отчасти стали даже катафрактами с конями, защищенными на византийский манер и вооруженными по сарматскому образцу пиками, предпочитавшими ближний бой, на ведение которого накладывал отпечаток еще и племенной «героический» этос. Визиготы же в более чистом виде сохранили германские военные традиции, а конница приобрела у них значение позднее, в Галлии и в Испании, однако и она продолжала сражаться в основном с помощью метательного оружия, прикрываясь щитом, тогда как конные копейщики, вооруженные, возможно, по римско-сарматскому образцу, пользовались меньшей популярностью.

Keywords: Warfare, Armament, Armed Forces, Goths.

Cuvinte cheie: pregătire militară, arme, tipuri de trupe, goți.

Ключевые слова: военное дело, вооружение, виды войск, готы.

Для многих народов древности оружие — достаточно изученный сюжет, обычно хорошо известный по репрезентативным и археологическим памятникам, а также по письменным источникам. Однако этого нельзя сказать о готах: письменные свидетельства об оружии немногочисленны и обычно упоминают его ad hoc, — в основном приходится анализировать термины и названия. Археологические находки достаточно скудны; изображения, на которых можно с уверенностью атрибутировать готов, почти отсутствуют. Поэтому для изучения оружия готов нужно рассмотреть свидетельства письменных источников и сопоставить их с некоторыми наиболее репрезентативными археологическими артефактами с территорий, которые считаются исследователями некогда заселенными готскими племенами. Это поможет пояснить свидетельства греческих и латинских источников, которые обычно дают лишь название оружия. Поскольку и эти свидетельства крайне мало численны, особенно для ранней истории готов, то имеет смысл рассмотреть весь их блок, на протяжении всей истории готов, с середины III в., когда их упоминание появилось на страницах позднеантичных источников, вплоть до начала VIII в. — времени, когда визиготское королевство было уничтожено мусульманами. В данном блоке информации вполне возможно выделить оружие пеших и конных воинов, которое иногда отличалось. Итак, посмотрим, на комплекс вооружения пешего, а затем конного готского воина.

Сначала обратимся к вооружению пехотинцев, которое зафиксировано источниками. Готы, вооруженные по германской традиции щитами, различного рода копьями и мечами, составляли основную массу пехоты. Подобный комплекс вооружения мы обнаруживаем в нескольких описаниях. В биографии императора Клавдия II (268—270 гг.) приводится письмо, где упоминаются щиты, мечи и небольшие копья в качестве оружия готов (SHA, XXV, 8, 5). Подобный комплекс

вооружения существовал и позднее у визиготских пехотинцев в 370-х гг., судя по описанию Аммиана Марцеллина (Amm., XXXI, 5, 9; 7, 12). И еще позднее, автор «Стратегикона», рассказывая о белокурых народах, пишет: «Вооружаются они щитами, копьями и короткими мечами, висящими у них на плечах» (Mauroic. Strat., XI, 3, 2). Под «белокурыми» явно подразумеваются германские народы. Объединение же их в одну главу, в общем, логично, ведь многие черты военного дела германцев, в частности, тактика и вооружение, были во многом сходными для постороннего взгляда. Об этой схожести военной культуры (остро)готов, вандалов, визиготов и гепидов прямо говорит Прокопий (Procop., Bel. Vand., I, 2, 2—5), передавая традиционное мнение: «Все они, как сказано, отличаются друг от друга именами, а во всем остальном ничем не различаются». Сохранилось и еще более позднее свидетельство, подробно перечисляющее элементы визиготской паноплии — указ короля Эрвига (680—687 гг.), предписывающий как следует вооружать господам тех сервов, которых они выводят с собой на войну (681 г.): «некоторую часть надо защитить броней или панцирями, но большинство — снабдить щитами, мечами, тесаками, копьями и стрелами, а некоторых также снаряжением для пращей или другим оружием» (LV, IX, 2, 9). В указе имеется четкое противопоставление немногочисленных воинов в броне с прочими, вооруженными щитами, наряду с древковым, клинковым, а также метательным оружием.

В целом, основной комплекс вооружения готского пехотинца в течение четырех веков не изменился в своих основных элементах — это был все тот же щитоносец, вооруженный древковым и клинковым оружием (ср.: Viborski 1978: 165; Магомедов 2001: 82). Подобный комплекс вооружения представляют, например, погребения из Оселивки (Черновицкая область) черняховской культуры, где сохранились не только остатки щита, но и наконечник копья и меч (Магомедов, Левада 1996: 317).

№4. 2010

Нательное защитное вооружение упоминается редко, что, очевидно, соответствует действительности: у основной массы пехоты его не было, как и во времена Цезаря и Тацита. Щит был основным, а зачастую и единственным оборонительным оружием готского пехотинца. Какой он был формы? Греческие авторы используют для обозначения готского щита слово ἄσπίς, тогда как латинские — обычно *scutum*.¹ Если первое слово как термин обозначало большой круглый щит, то второе — вытянутый; однако оба названия часто использовались не как термины, а просто как обозначение оружия. Поэтому стоит обратиться к тем свидетельствам, которые несут альтернативную информацию о щите, тем более, что его форма могла изменяться со временем в силу развития вооружения и тактики. Военный-профессионал Аммиан Марцеллин именуется щиты готов то «*scutum*» (Амм., XXXI, 7, 12), то «*parma*» — в обычном понимании — округлый кожаный щит (Амм., XXXI, 5, 9). Если в первом случае мы можем подозревать простое обобщение, поскольку Аммиан в данном пассаже упоминает оружие обоих противников сразу (готов и римлян), то употребление слова во втором случае может иметь под собой реальную основу. Более поздние авторы именуют щиты визи- и остроготов «*clipeus*», то есть круглым щитом, латинским эквивалентом греческого «ἄσπίς» (Merob., II, 158; Cassiod. Var., IV, 2, 2; X, 31, 1; Julian. Hist. Wamb., 18; Agnell., 94). Согласно Исидору Севильскому, «*clipeus* является большим щитом» (Isid. Orig., XVIII, 12, 1), то есть получается, что различие между разными видами было не в форме, а в величине.

Судя по этим немногочисленным упоминаниям щита, получается, что он был круглым. Еще Тацит (Тас., Germ., 43), рассказывая о вооружении готов и соседних народов, упоминает у них именно «округлые щиты» (*rotunda scuta*). Как показал польский археолог Б. Контны, информация латинского историка о форме щита соответствует несколько более ранним реалиям I в. до н. э. и, в общем, показывает связь готов со Скандинавией, где использовались большие круглые щиты (судя по находкам, диаметром 88—104 см) еще в раннеримский период (Kontny 2001: 184—193; ср.: Радюш, Скворцов 2008: 129). Если обратиться к археологическим данным, то увидим, что, например, щит из села Беленькое (начало IV в.) был, судя по дере-

вянному тлену, круглым, диаметром 80 см, имевшим умбон диаметром 17 см, за которым на внутренней стороне находилась железная рукоятка, крепившаяся к дереву двумя заклепками (Гудкова 1987: 59; Магомедов 2001: 78—79). Наряду с круглой использовалась и вытянутая форма щита, особенно интенсивно в первые века новой эры. Модель щита раннеримского времени из Новы Тарг (вельбаркская культура) представляет нам четырехугольную форму с закругленными краями с небольшим круглым умбоном, за которым расположена горизонтальная рукоятка (Kaczanowski, Zaborowski 1988: 226, Abb. 3; Kokowski 1993: 338, 350, fig. 6a). Щит из Оселивки, судя по сохранившейся железной оковке, был как раз прямоугольным с закругленными краями (Магомедова, Левада 1996: 307; Магомедов 2001: 78—79). В целом, щиты черняховцев были деревянными, обтянутыми кожей со сфероконическим или цилиндрическим умбоном, напротив которого — внутри была рукоятка из тонкой жести с деревянной сердцевинкой (Магомедов, Левада 1996: 307; Магомедов 2001: 79).

На монете Клавдия II кизикской чеканки (270 г.), посвященной готской победе императора, показан трофей, на котором висят два эллипсовидных щита с умбонами. Однако, видимо, данное изображение является лишь символическим трофеем, не учитывавшим определенные этнографические особенности противника, ведь тут же показан шлем с гребнем и поножи, которые, насколько мы знаем, нельзя считать типично готским оружием. Кроме того, практически идентичный трофей представлен и на другой кизикской монете, отчеканенной в честь германской победы Клавдия.²

В любом случае, щиты готов должны быть достаточно велики, чтобы образовать их обычное боевое построение — стену щитов (фактически, черепаху без крыши), которое упоминается у античных авторов (Dexipp. frg., 19; Амм., XXXI, 7, 12; Procop. Bel. Goth., I, 29, 35; IV, 5, 19). В Италии у остроготов щит для пешего боя также был достаточно большим и прочным, о чем свидетельствует эпизод боя при Везувии (552 г.), когда Тейя, стоя перед готским войском, оборонялся щитом, в который воткнулось двенадцать копий противника (Procop. Bel. Goth., IV, 35, 22—29). По крайней мере, на реверсах монет Аталариха

¹ ἄσπίς: Dexipp., frg. 19; Procop. Bel. Goth., I, 29, 35; IV, 5, 19; 35, 25; etc., *scutum*: Veget., I, 20; SHA, 25, 8, 5; LV, IX, 2, 9; Agnell., 94.

² Монету с изображением готского трофея см.: Mattingly, Sydenham 1968: 232, № 251; pl. VI, 86; германский трофей см.: Robertson 1978: 79, № 86, pl. 21, 86.

(526—534 гг.) и Тотилы (541—552 гг.) показаны овальные или круглые щиты, вероятно, с круглым умбоном, прикрывающие стоящего воина от земли до пояса, длиной (или диаметром) около метра (Wroth 1911: 69, 93, pls. VIII, 21—22; XI,30). На фрагменте передней стороны саркофага из испанской Алькаудеты, обычно датированном концом V—VI вв. и представляющем библейские сюжеты, воины носят большие овальные щиты с окантовкой и круглым умбоном (Ars Hispaniae 1947: 239, fig. 240).

Видимо, сама основная форма щита прошла определенную эволюцию. В общем, в первые века новой эры щит был овальным или вытянутым угольным, после чего, около III—IV вв., произошла адаптация обычного для эпохи переселения народов большого круглого щита с умбоном. Такой щит делался из деревянных дощечек и укреплялся металлической окантовкой. Возможно, особенностью вооружения готов и других народов южного побережья Балтийского моря уже на рубеже эр был круглый щит, в VI в. обычным щитом готов оставался большой круглый или вытянутый овальный, лучше прикрывающий от метательного оружия врага (Радюш, Скворцов 2008: 129; Kontny 2008: 192, 201).

Как уже отмечалось, натальное защитное вооружение с рубежа эр не было характерным для германцев, и готы тут не были исключением. Достаточно упомянуть, что остатков доспехов, судя по опубликованным материалам, не обнаружено среди материалов ни вельбаркской, ни черняховской культуры (Kokowski 1993: 353—354; Магомедов, Левада 1996). Это, впрочем, может свидетельствовать и об их полном отсутствии, и о том, что они были изготовлены из органических материалов, в частности, из кожи. При этом, естественно, надо помнить, что оружие в могилу обычно не клали вообще. Однако защитное вооружение упоминается в источниках, в частности — шлемы и панцири.

Аммиан Марцеллин (Amm., XXXI, 13, 3), описывая битву при Адрианополе (378 г.), упоминает секиры, которыми обе стороны проламывали шлемы и панцири друг друга (*galeae, loricae*). С готской стороны доспехи вполне могли быть трофейными римскими (Amm., XXXI, 5, 5; 9; 6, 3; Oros. Hist., VII, 34, 5; ср.: Kaczanowski 1992: 56—60). Готские военачальники активно использовали римские офицерские панцири. На золотом медальоне бюст Теодориха Великого представлен в парадном имперском чешуйчатом доспехе с рядом птериг, защищающих верх руки (Delbrück 1929: № 46). Железный панцирь,

прикрывавший грудь комита Пицама, упоминает в панегирике Эннодий (Ennod. Paneg., 12, 65). На наличие панцирей у итальянских готов, у знати, командиров и всадников, неоднократно указывает в своем повествовании Прокопий (Procop., *Bel. Goth.*, I, 16, 11; 22, 4; 23,9; II, 5, 14; III, 4, 21), однако, тип доспеха не указывает ни разу. В середине VI в. это мог быть кольчатый, чешуйчатый или пластинчатый доспех. Причем, по-видимому, наиболее популярным среди знати быть последний тип, представлявший собой рубаху с полами выше колен с короткими рукавами или без них. Такую броню мы обнаруживаем на всаднике, изображенном на блюде из Изола-Рицца (Италия, VI в.), у гвардейцев лангобардского короля Агилульфа, показанных на налобной части шлема, и даже во франкской могиле из Крефельд-Геллеп (Германия, VI в.), где был найден доспех примерно из 1100 пластин.³ Фрагменты железного византийского доспеха были обнаружены в Картахене в слоях второй половины VI — первых десятилетий VII в. Тут были найдены 114 прямоугольных с закругленными краями пластин длиной 6—7 см и 2 см шириной с тремя парами отверстий для крепления. Они, по предположению Х. Вискайно Санчеса, входили в состав доспеха, состоявшего из 500 пластин, закрепленных в 30 рядов и весившего примерно 16 кг (Vizcaíno Sánchez 2008: 203—206). Подобный доспех вполне могли носить и визиготы. У готов в Италии во время войны с Византией мы можем предполагать определенную стандартизацию вооружения, в том числе и защитного, поскольку тогда государство снабжало воинов оружием, а на фабриках вполне могли продолжать делать доспехи по старым римским лекалам. По крайней мере, на обложке из слоновой кости кафедры равеннского архиепископа Максимиана (546—556 гг.) гвардейцы правителя носят панцири римского образца с птеригами, защищавшими верх рук и бедра (Schapiro 1979: 41, fig. 5—6).

Упоминание о защитном вооружении имеется в вышеупомянутом указе Эрвига, согласно которому господа должны были вооружать некоторых из своих сервов, приводимых в армию, панцирями: «*zaba*» или «*lorica*» (LV, IX, 2, 9), которые О. Ольденбург считает кожаной броней и панцирной рубашкой, тогда как первый вид доспеха, по мнению Э. Бивара, являлся кольчугой, а по предполо-

³ Блюдо из Изола-Риццы см.: Perevalov, Lebedynsky 1998: 21; налобник шлема см.: Alamannen 1998: 407, Abb. 461b; о доспехе из Крефельда-Геллепа см.: Lebedynsky 2001: 187.

№4. 2010

жению Р. Муњоса, — чешуйчатым панцирем до колен.⁴ Латинское слово «lorica» обозначало просто панцирь, без какого-либо указания на его форму, для чего требовалось специальное пояснение. Термин же «ζάβα» известен в византийской военной литературе с VI в., когда он также обозначал «доспех» без конкретного указания на его вид (Suid. s. v. ζάβα). Как предполагает Т. Колиас, этимология этого нового слова восходит к персидскому, а то, в свою очередь, к тюркскому наименованию панциря «džebe» (Koliias 1980: 30). Так называемый «Византийский аноним VI в.» отмечает, что «забы» были сделаны из войлока или кожи (De re strat., 16, 9), а согласно «Тактике» императора Льва (Tact., V, 4), панцири («λωρίκια») должны быть, по возможности, кольчужными, либо из рога или кожи. Причем, как заметил еще Ш. Дюканж, «λωρίκιον» и «ζάβα» у Льва синонимы (Du Cange 1887: 426, s. v. «zaba»; Haldon 1975: 34). Следует обратить внимание на то, что в этом указе Эрвига не значатся шлемы, хотя основной набор оружия, в том числе дорогостоящие доспехи, присутствуют. Это может указывать на наличие у доспеха капюшона, известного уже Маврикию (Maur., Strat., I, 2, 2), и в таком случае речь, скорее всего, шла о кольчугах. Вспомним, что найденные аламанские раннесредневековые кольчуги имели капюшоны (Контамин 2001: 198). Видимо, в указе Эрвига имелись в виду два разных вида кольчуги, или же один из панцирей был не кольчатый, а другого вида, возможно, не металлическим, а кожаным или войлочным, либо железным, но чешуйчатым. Ведь Исидор в главе «О панцирях» своих «Этимологий» упоминает лишь кольчугу и чешуйчатый панцирь (Isid. Orig., XIX, 13: De loriceis). Причем последний он описывает особо: «Чешуйчатым является железный панцирь, составленный из железных или медных пластин в виде чешуи рыбы и названный так из-за самого блеска и схожести чешуи». Таким образом, получается, что для испанского автора второй половины VI в. интересны и, вероятно, актуальны лишь эти типы панциря, остальные виды его не интересовали или даже были плохо либо вообще не известны ему. Скорее всего, именно к чешуйчатому типу панциря относились позолоченные вотивные доспехи, которые арабы захватили в кафедральном соборе в Толедо в 711 г. (al-Makkarí: 283). Последние, в первую очередь, носила знать и королевская гвардия,

которых компетентный магрибский историк аль-Маккари (ок. 1591—1632 гг.) рисует «одеждами в сверкающую сталь» (al-Makkarí: 271, 273). Видимо, доспех был все же не так редок у визиготов этого времени, так как, согласно указу Эрвига, даже часть сервов должна была его носить, согласно двум разночтениям в двух же манускриптах, небольшая — 1/21 от всех.

Сведения источников о шлемах опять же скудны. Уже Тацит (Tac., Germ., 6) отмечает, что шлемы у германцев встречались, хотя и редко. Как мы помним, Аммиан Марцеллин (Amm., XXXI, 13, 3) в описании битвы при Адрианополе упоминает это прикрытие головы, хотя и в общем риторическом пассаже. На рубеже IV—V вв. латинский поэт Клавдиан называет шлемы как типичное оружие визиготской армии Алариха (Claud., XXVI (De bel. Goth.), 35; 535; 537: galea). Прокопий по ходу повествования также отмечает наличие шлемов у италийских готов, обычно защищенных еще и панцирем (Procop. Bel. Goth., I, 23, 9; III, 4, 21). Характерной формой эпохи переселения народов был Spangenhelm, то есть металлический каркасный шлем со сферической тульей, часто украшенной втулкой сверху, в которую вставлялся султан; обычно с нащечниками. Очевидно, и готы носили именно этот тип шлема. В. Рейнхарт усматривает его на монетах визиготских королей, начиная с Леовигильда (572—586 гг.) и заканчивая Родериком (710—711 гг.), хотя более вероятным кажется, что на монетах представлены парадные головные уборы монархов (Rein-

Рис. 1. Шлема типа Spangenhelm — случайная находка в Монтепагано (первая половина VI в.). Шлем состоит из шести железных пластин на медном каркасе. Воспроизведено по: Bierbrauer 1975: Taf. LVII.

⁴ Oldenburg 1909: 43: Harnisch und Panzerhemd; Bivar 1972: 288; Diesner 1977: 59 (Panzerhemd); Muñoz Bolaños 2003: 27.

hart 1947: 122—124; 1950—1951: 43—46). В Италии среди случайных находок имеется пара железных шлемов с медными декорирующими тулью частями, один с нащечниками, но оба без назатыльников, возможно, последние были кольчужными и крепились отдельно. Они относятся к типу «Spangenhelm», к виду, называемому «Baldenheim», и датируются как раз готским периодом: концом V — первой половиной VI вв. (Bierbrauer 1975: 194—198. Taf. XXII, 5; XXVII—XXVIII; LVII,1—LVIII,1; Kazanski 1991: 114).

Основным наступательным оружием готского щитоносца в течении всего рассматриваемого периода было древковое. Имеется два блока сведений о вооружении готов копьями для ближнего и для дальнего боя. Иордан считал «контос» самым обычным оружием гота, противопоставляя его мечу гепида, дротику руга и стреле гунна.⁵ Контос в классическом значении — это длинное неметательное копье всадников, достигавшее значительной длины, о чем будет сказано ниже. Если обратиться к археологии, то среди находок черняховской культуры остатками копий считаются железные наконечники длиной 12—24 см с диаметром втулки 3 см (Магомедов, Левада 1996: 308—309). Видимо, это обычное копье.

Масса свидетельств говорит нам о том, что у готов была распространены метательные, обычно легкие, копья. Уже биограф императора Клавдия (SHA, XXV, 8, 5) сообщает о вооружении в 269 г. щитоносцев lanceolae — небольшими ланцеями, явно предназначенными для метания. Аммиан Марцеллин, повествуя о событиях 370-х гг., отмечает на вооружении готов «tela» — общее наименование для метательного оружия, «jaculum» — обычный дротик, «verrutum»⁶ — в римской армии, согласно Вегецию (Veget., II, 15), — метательное копье с наконечником длиной 5/12 фута (12 см) и древком — в 3,5 фута (1 м). Клавдиан (XXX (Laud. Seren.), 235) именует копья визиготов пилумами (pila) — стандартным наименованием для римских метательных копий.

⁵ Jord. Get., 261; также см.: Amm., XXXI, 5, 9; Claud., XXVI (De bel. Goth.), 483; Greg. Turon. Hist. Franc., II, 37; Mauric. Strat., XI, 3, 2; Paul. Diac. Hist. Lang., V, 41 (у лангобардов). О значениях слова contus в раннесредневековой литературе см.: Hüpper-Dröge 1983: 368—376 (древко, длинная пика, метательное копье и даже дубина).

⁶ Tela — Amm., XXXI, 13, 1—2 (ср.: Ambros. Epist., XV, 5; Claud., XXVI (De bel. Goth.), 536); jaculum — Amm., XXXI, 13, 1 (ср.: Isidor. Hist. Goth., 9); verrutum — Amm., XXXI, 7, 12. Н. Биттер полагает, что Марцеллин употреблял первые два названия не в техническом-военном терминологическом смысле, а просто как обобщенное название копий (Bitter 1976: 143—144).

Рис. 2. Монета короля Вамбы (672—680 гг.), на аверсе — бюст короля, на реверсе — крест. Воспроизведено по: Miles 1952: Pl. XXVIII, 12.

По определению Вегеция (Veget., II, 15; ср.: I, 20), пилум представлял собой метательное копье с древком длиной 5,5 футов (1,6 м) и наконечником 9/12 фута (22 см). У острогота в ходе Каталаунской битвы в руках оказывается дротик-telum (Jord. Get., 209), а у визиготов, оборонявших укрепление в 439 г., — метательные hastilia (Merob., II, 158). В VI в. Эннодий (Paneg., 12, 65—66) в качестве обычного оружия гота упоминает lancea — преимущественно метательное копье. Прокопий отмечает как оружие италийских готов δολιχόν — легкое метательное копье (Procop. Bel. Goth., III, 11, 24) или даже просто дротик — «ἀκόνητιον» (Procop. Bel. Goth., II, 23, 37). Причем у историка данные слова, скорее всего, синонимы (Procop. Bel. Goth., II, 2, 14; 30). Исидор называет копье визиготов telum, епископ Юлиан именует дротики, используемые при осадах в 670-х гг., spicula и lanceae, а Григорий Турский, описывая события 584 г., — jacula (Greg. Turon. Hist. Franc., VI, 43; Isid. Hist. Goth., 31; Julian. Hist. Wamb., 13; 17). Хотя Вегеций (Veget., II, 15) отмечал, что копье-spiculum — является поздним названием пилума, но, скорее всего, епископ не придерживался подобной терминологии. Как видим, значительное число из массы названий древкового метательного оружия на обоих языках встречаются у греко-латинских авторов. Естественно, данные наименования лишь приблизительно и неконкретно описывают внешний вид варварского оружия, сопоставляя его с римскими типами. Если обратиться к артефактам в археологии, то увидим, что дротиками в черняховской культуре считаются наконечники с различной формой лезвия общей длиной 22—33 см (Магомедов, Левада 1996: 308—309; Магомедов 2001: 80). В Млаве (Северная Польша) был найден наконечник копья, датированный второй половиной III — началом IV в., напоминавший более поздний франкский ангон: длинный более 60 см штырь с небольшим, около 7 см, острием с дву-

№4. 2010

мя шипами (Kaczanowski, Zaborowski 1988: 230—231; Kokowski 1993: 337, 348, fig. 5c). Это, без сомнения, метательное оружие, предназначенное для застревания в теле или защитном вооружении противника. Сложно сказать, имел ли кто-либо из авторов в виду копье с подобным наконечником. Однако, судя по вышеприведенному описанию Вегеция, этот наконечник не может считаться пилумом, как это иногда делается (Kokowski 1993: 337).

Если щитonosец имел одно копье, то он им и сражался (Procop. Bel. Goth., IV,35,22), а когда воин метал или ломал это оружие, он переходил к бою мечом. Поскольку дальний бой мог быть длительным, то у щитonosца могло быть более одного копья. Вегетий (I,20) пишет: «Варвары, пешие щитonosцы, используют преимущественно те *копья*, которые называют «бебрами», и даже носят их в битвах по два и по три». Наименование копий *bebrae*, встречающееся только в вышеприведенном пассаже, не помогает нам в определении этнической принадлежности этих врагов, ведь этимология слова неясна, хотя и считается произошедшей из кельтского или германского языка (Kempf 1901: 367—368, 385—386; Ihm 1901). Вегетий не говорит, кто были эти «варвары», но из упоминания в этой же главе «Эпитомы» готов, разгромивших римлян, можно понять, что речь идет именно о них. Вспомним, что, например, в богатом погребении 86 с трупосождением в Компанийцах (Полтавская область) обнаружены не только умбон, украшенный серебром и бронзой, и рукоятка щита, но также длинный меч, топор, листовидный наконечник копья и болтовидный — дротика (Kokowski 1993: 343, № 38; Магомедов, Левада 1996: 315; Магомедов 2001: 78). Данная находка, очевидно, и представляет нам комплекс вооружения щитonosца с двумя копьями, одно из которых было легким метательным. В визиготской могиле 11 в Даганзо-де-Арриба (пров. Мадрид, VII в.) наряду с мечом и скрамасаксом найдены два узких наконечника дротика, один длиннее (37 см), а другой короче (23 см) (Ardanaz Arranz, Rascón Marqués, Sánchez Montes 1998: 414, 415, 418, Fig. 2). Видимо, у визиготов вооружение копьем, оружием преимущественно для ближнего боя, могло сочетаться с дротиком для дальнего боя.

Подчас мы можем найти в источниках использование и других видов метательного оружия. Аммиан Марцеллин (Amm., XXXI, 7, 12), описывая битву при Салициях (377 г.), упоминает, что готы метали «огромные обожженные дубины (*clavae*)». М. Шпайдель так и полагает, что германцы действительно использовали метательную палицу (Speidel

Рис. 3. Бронзовая монета остроготского короля Аталариха (526—534 гг.) римской чеканки. Аверс — Богиня Рома, реверс — король в военном снаряжении. Воспроизведено по: Wroth 1911: Pl. VIII, 22.

2004: 93—94), которую упоминают, комментируя название *cateia* у Вергилия (Aen., VII, 741), Сервий (ad h.l.) и, позднее, Исидор Севильский (Orig., XVIII, 7, 7), однако, возможно, речь все же шла об особом виде германского метательного копья (Aul. Gel., X, 25, 2), название которого было плохо понятно поздним комментаторам (Horsfall 1969: 297—299). У Аммиана Марцеллина речь, скорее всего, шла не о каких-то нехарактерных для германцев метательных палицах, а об обычных дротиках, обожженных на конце для придания им прочности. Это оружие использовали германцы еще во время Цезаря и Тацита (Caes. B. G., V, 42; Tac. An., II, 14; Germ., 45). Именно на это экзотическое для римского воина оружие и обратил внимание Аммиан Марцеллин. Объясняется же появление данного вида копья у готов тем, что при переправе через Дунай они были разоружены по императорскому указу, и после начала восстания оружия на всех не хватало. Поэтому восставшие вынуждены были вернуться к использованию дреколя, ведь метательных копий требовалось много, а взять их было, видимо, негде (Wanke 1990: 160).

Когда оружие дистанционного боя было использовано, сражались клинками. В источниках есть многочисленные свидетельства о наличии мечей у готов, однако без указания на их форму: тут используются абстрактные термины — латинские «*gladii*» и «*enses*» или греческое «*ξίφη*». ⁷ Историки Августов упоминают мечи-*spatae* в качестве основного оружия ближнего боя готов (SHA, XXV, 8, 5), позднее этот же тип меча описывает Кассиодор (Var., V, 1, 1), упоминают его и визиготские источ-

⁷ *gladii* — Amm., XXXI,5,9; 7, 13; Oros. Hist., VII, 33, 14; Cassiod. Var., X, 31, 1; Anon. Vales., 55; Chron. Caesar., a. 466; Vit. part. Emeret., V, 11, 1; 3; *enses* — Claud., XXVI (De bel. Goth.), 536; Merob., II, 159; Sidon. Carm., VII, 412; Cassiod. Var., IV, 2, 2; Vit. part. Emeret., V, 10, 12; *ξίφη* — Procop. Bel. Goth., I, 18, 10; 27, 27; IV, 23, 30; 32; 32, 7.

ники (LV, IX, 2, 9; Vit. part. Emeret., V, 10, 13). Спаты были длинными, прямыми, двулезвийными мечами. Причем у знатных готов они могли иметь дорогую рукоятку из слоновой кости (Claud. XXVI (De bel. Goth.), 487). Конструкцию мечей мы можем представить по археологическим находкам. В материалах пшеворской культуры М. Биборский насчитал 11 типов длинных двулезвийных и 4 типа длинных однолезвийных мечей (Biborski 1978: 163—165), в черняховской культуре мечи середины III — середины IV в. имели длину 80—95 см с черенком до 12 см; они носились в ножнах из дерева, иногда с металлическим наконечником (Магомедов, Левада 1996: 304—305, 319; Магомедов 2001: 77—78). Визиготский меч из Даганзо имел длину 87 см с рукояткой, обшитой деревом и кожей. Он носился слева в кожаных ножнах с серебряными накладками (Zeiss 1934: 65, 150; Bruhn de Hoffmeyer 1972: 79; Ardanaz Arranz, Rascón Marqués, Sánchez Montes 1998: 414, fig. 2). О подобной длине меча говорит и тот факт, что на меч могли опираться при разговоре (Claud. XXVI (De bel. Goth.), 487). Высококачественные стальные клинки служили дипломатическими подарками. Вспомним, как в 523 или в 526 г. Теодорих восхищался качеством и внешним видом мечей, присланных ему варнами (Cassiod. Var., V, 1, 1).⁸

Достаточно сложно атрибутировать свидетельство автора «Стратегикона» о «коротких мечах, висящих ... на плечах» у воинов белокурых народов (Mauric. Strat., XI, 3, 2). При этом автор вообще не упоминает длинные мечи на вооружение германцев, и это странно, так как у последних в середине I тыс. н. э. спаты были обычным оружием. Мы также не можем думать, что в данном пассаже автор сопоставляет хорошо известные его читателям длинные византийские мечи с германскими, которые, при таком сравнении, оказывались более короткими. Насколько нам известно, длина спат в Европе была примерно одинаковой (Haldon 1975: 31). Не мог ли автор «Стратегикона» по античной традиции архаизировать свою информацию и сообщать современникам сведения, взятые из более древних источников? Ведь Тацит (Tac., Germ., 44) упоминает, что готы и соседние народы отличаются своими «breves gladii», которые Б. Контны сопоставляет с короткими одно-

лезвийными мечами из Померании I в. до н. э. (Kontny В. 2008: 181—184, 201). Также на поселении Ягнятин (Житомирская область) обнаружен меч со следами ремонта общей длиной 60 см (Kokowski 1993: 336, 347, fig. 3d; Магомедов, Левада 1996: 319, 559, рис. 2: 8; Магомедов 2001: 77). Эта находка единична и, кроме того, она имеет гораздо более раннюю датировку (Kokowski 1993: 336). Уж не полумеч ли — «semispatha» это? Подобный короткий меч, висящий слева на поясе, в ножнах со скобой, мы видим у варвара — персонажа диптиха с изображением деяний св. апостола Павла (Delbrück 1929: № 69). Впрочем, учитывая, что в других местах «Стратегикона» описываются современные автору враги Империи (что и не удивительно для военного руководства, своего рода устава), говорить об архаизации у автора только в описании оружия, по видимому, не стоит.

Можно подумать, что Маврикий говорит о кинжалах, ведь последние отличались от недлинных мечей не столько формой, сколько меньшей длиной. Впрочем, кинжалы обычно носились не на плечевой португее, а на поясе, ведь это не такое тяжелое оружие, как меч, и для него вовсе не обязательна отдельная португея. Однако, считается, что испанские визиготы в VI—VII вв. носили кинжалы и ножи на правом боку, а именно, на плечевой португее (Ardanaz Arranz, Rascón Marqués, Sánchez Montes 1998: 441, fig. 16). В визиготской Испании ножи и кинжалы длиной 12—24 см — наиболее часто встречающийся среди археологических находок элемент вооружения, что говорит об их распространении (Ardanaz Arranz, Rascón Marqués, Sánchez Montes 1998: 420—425, 443—445).

В уже упоминавшемся указе Эрвига речь шла и о длинных однолезвийных тесаках, названных в документе «scrami», которые также состояли на вооружении готов. В Испании в VII в. эти тесаки двух типов длиной 36—75 см считаются появившимися тут под франкским влиянием (Zeiss 1934: 65; Kazanski 1991: 101; Ardanaz Arranz, Rascón Marqués, Sánchez Montes 1998: 416—417, 442—443; Окешотт 2004: 139—142). Хотя, для более раннего времени нельзя говорить о большом значении скрамасакса в готской паноплии.

Однажды хронист третьей четверти VII в., известный под именем Фредегара, упоминает некое готское оружие, именуемое им уникальным словом *ixus* (Fredeg., II, 58). Это оружие посол франкского короля Хлодвига Патерн заметил в руках визиготов вместо посохов на приеме у визиготского короля Алариха II (484—507 гг.). Какой вид оружия

⁸ Подробнее о мечах эпохи Великого переселения народов см.: Окшотт 2004: 105—125, о готских мечах, в частности: с. 131—132. Оружие в то время было самым обычным государственным подарком (Isid. Hist. Goth., 33).

№4. 2010

имел в виду хронист, остается только гадать: в руках у знатных готов во время приема могло быть, в первую очередь, рубящее оружие, типа мечей, хотя также нельзя исключить и древковое — копья. Фредегар еще раз упоминает слово «ихус», рассказывая о поединке императора Ираклия с неким персидским «патрицием» летом 626 г. (Fredeg., IV, 64). Император, выйдя на единоборство, спросил перса, почему тот направляется на поединок не один, заставив его обернуться, а сам в это время, прищпорив коня, отсек противнику голову с помощью «ихус». Современные комментаторы Фредегара обычно рассматривают данное слово как обозначение короткого меча или даже скрамасакса, а само слово возводят к персидскому «ākus» — «зубило» (MGH. SRM. T. II. 1888: 82, n. 7; Devillers O., Meyers J. (2001) ad h.l.: 156, n. 504). Отсечь голову можно было достаточно мощным клинковым оружием или же секирой. Посмотрим, как этот же эпизод описывает константинопольский архиепископ Никифор (VIII—IX вв.) в своем «Бревиарии». В изложении Никифора появляются другие детали. Персидский военачальник Ризат стал вызывать византийцев на единоборство. Поскольку никто не откликнулся, то пришлось выйти самому императору, которого перс стал обстреливать из лука. «Сам же Ираклий стал погонять коня, но кто-то из его копьеносцев, опередив царя, отсек плечо Ризата мечом, а царь поразил его, упавшего, копьем и тут же отсек его голову» (Nicip.: 19, ll. 12—15). Вряд ли император стал спешиваться, чтобы отрубить голову — для этого у него были телохранители. Можно полагать, что он просто наклонился с коня и обезглавил труп врага неким достаточно длинным оружием, каковое могло быть как мечом, так и секирой.

Прямо о вооружении готов кинжалами упоминает Аммиан Марцеллин (Amm., XXXI, 7, 12: mucrones; ср.: Salvian. De gubernat. dei, V, 57). Также о некоем гетском, то есть готском, ноже рассказывает Марцеллин Комит как об орудии убийства (Marcel. Com., a. 514, 3: culter Geticus). Кинжалы, обнаруженные в материалах черняховской культуры, имеют длину 34—44 см; лезвие у них обоюдоострое с вырезами у пяты (Магомедов, Левада 1996: 305—306; Магомедов 2001: 78). М. Б. Щукин объясняет назначение вырезов на обеих сторонах лезвия тем, что это орудие использовалось при двуручном фехтовании для удержания неприятельского клинка (Ščukin 1993: 327). Однако данное предположение нельзя поддержать, учитывая, что, во-первых, основная масса готов носила щиты, и ле-

Рис. 4. Золотая монета-медальон Теодориха Великого, отчеканенная в Риме после 500 г. Аверс— Rex Theodericus Pius Princ is (= princeps invictus semper, princeps invictus/invinctissimus) с Викторией на державе, реверс— Rex Theodericus Victor gentium с Викторией. Из монеты позднее была сделана фибула. Воспроизведено по: Delbrück 1929: № 46.

вая рука у них была занята; во-вторых, судя по опубликованным данным, меч не встречен ни разу в одном погребении с кинжалом в материалах черняховской культуры (Kokowski 1993: 353—354; Магомедов, Левада 1996: 313—319), а в-третьих, у нас нет данных о подобном способе действий не только у готов, но и у германцев вообще.

Готские пехотинцы могли использовать и секиры во время боя. Так, в уже упоминавшемся пассаже Аммиана Марцеллина (Amm., XXXI, 13, 3), рассказывающем о битве при Адрианополе, говорится, что «взаимными ударами секир («secures») проламывались шлемы, а также панцири». По тексту Аммиана Марцеллина получается, что идет речь о секирах обеих сторон, но поскольку упоминаемое защитное вооружение более характерно для римлян, то секиры, скорее, должны принадлежать их противникам. Б. В. Магомедов (Магомедов 2001: 79) полагает, что топоры — 24 штуки, найденные на памятниках черняховской культуры, являются именно оружием, а не рабочим инструментом. Однако секира, судя по письменным источникам, была оружием, не характерным для готской паноплии, ее, скорее всего, применяли sporadически, в частности, на охоте (Procop. Bel. Pers., II, 21, 7). В данной битве появление этого оружия у готских воинов опять же можно объяснить нехваткой оружия, которое изъяли римские власти у готов при переправе через Дунай. В военных кампаниях секиры использовали как шанцевый инструмент, например, для снятия засовов с ворот (Procop. Bel. Goth., III, 20, 15) или даже как метательное оружие при обороне города (Agath., I, 9). Причем в последнем случае это, скорее всего, было не специальным метательным оружием типа франкской франциски, а простым топором, который

бросали со стены наряду с камнями, бревнами и прочими тяжестями, что попадались под руки (Agath., I, 9). Лезвия топоров встречаются среди оружия черняховской культуры. Форма их простая: асимметричное лезвие расширяется книзу; обух чаще прямой, реже трапециевидный или округлый. Подобная форма топоров встречается и в материалах вельбаркской культуры (Магомедов, Левада 1996: 307—308, 562, рис. 5; ср.: Kokowski 1993: 337, 346, figs. 2p, z; 4f—1). Секира с длинным загнутым книзу бойком, обнаруженная в визиготском погребении 14 в Дезе (пров. Сория), также рассматривается как инструмент, а не оружие (Zeiss 1934: 65, 162. Taf. 27, 16). Однако и ее могли использовать как настоящее оружие. По крайней мере, папа Григорий Великий (590—604 гг.), передавая сведения, полученные им из Испании, рассказывает, что сына короля Леовигильда Германигильда убили в темнице, ударив секирой по голове в 585 г. (Greg. Dial., III, 31, 4: securis; ср.: Paul. Diac. Hist. Lang., III, 21), что сделал, согласно Иоанну Бикларскому, Сисберт, вероятно, знатный гот (Joan. Biclar., a. 585).

Древние германцы не славились как лучники, и готы в этом плане не составляли исключения: стрелки никогда не были для них значимым родом войск. Тем не менее, как видно из фрагмента «Скифской истории» Дексиппа (frg., 18), готские войска уже в середине III в. включали легковооруженных воинов, очевидно, лучников (Dexipp. frg., 17b), но насколько они были многочисленны тогда, сказать сложно. Возможно, не очень, хотя археологи полагают, что именно с III в. роль лука у германцев растет (Schlette 1977: 130). Иордан (Get., 43) также отмечал древнюю страсть готов натягивать тетиву лука, ссылаясь при этом на римского поэта I в. н. э. Марка Аннея Лукана (VIII, 221), у которого, естественно, речь шла о собственно гетах. Видимо, готский историк VI в. действительно полагал, что лук был типичным готским оружием в древности. Клавдиан (XXI (De cons. Stilich. I), 112), рисуя характерные черты и вооружение варваров-противников, также традиционно выделил гетов, как он именовал готов, натягивающих лук. Уже в последней четверти IV в. в готском войске лучников было достаточно много, на что обратили внимание латинские авторы, рассказывающие о разгроме римлян под Адрианополем, где их поражали тучи стрел (Veget., I, 20; Oros. Hist., VII, 33, 14; Paul. Diac. Hist. Rom., XI, 11). Действительно, дети знатных визиготов учились стрелять из игрушечного лука, как это делал Аларих (Claud. XXVI (De bel. Goth.), 495—496). Молодой ко-

роль Теодорих II (453—467 гг.), хотя и презирал лук как негероическое оружие, метко стрелял из него на охоте и даже умел натягивать тетиву двумя способами (Sidon. Epist., I, 2, 5). Визиготы и позднее, в VII в., охотно использовали луки для пешей охоты (Vita Fructuosi, 5). И, как мы помним, именно стрелы упоминаются в указе Эрвига среди оружия, рекомендованного сервам. В это время лук, видимо, перестал считаться визиготами неким маргинальным оружием, ведь около 614 г. король Сисебут послал патрицию Цезарию — губернатору византийской провинции — в качестве посольского дара в честь заключения мира свой лук, а позднее, в 711 г., в Толедском кафедральном соборе мусульмане наряду с прочим вотивным оружием обнаружили и луки (Epist. Wisig., 4; al-Makkarí, p. 283).

Несомненно, особенно эффективны лучники были при обороне (Merob., II, 159). В 670-х гг. лучники визиготов активно сражались во время осад: стрелы, наряду с легкими копьями и камнями, были основным оружием дальнего боя, что, впрочем, и естественно (Julian. Hist. Wamb., 12; 13). Итальяское государство также заботилось о стрелках. Еще во второй половине V в. (остро)готы на римской службе при необходимости использовали луки (Malal.: 371, ll. 16—18; Joan. Nic. Chron., 89). А в 525/6 г. указ Теодориха Великого префекту претория Абундацию предписал отправить сайона Таты с лучниками к комиту Вилиарию для усиления сил последнего, по мнению Х. Вольфрама, в гарнизоне Неаполя (Cassiod. Var., V, 23; Вольфрам 2003: 434, прим. 75).

Письменная традиция более чем скудна в отношении описания конструкции лука и стрел. В общем, для древних германцев характерен простой лук. Однако три десятка луков, найденные в жертвенном месте Вимозе (Дания), имеют на концах усиления из рога или железа (Schlette 1977: 130). Судя по находке костяной накладки из погребения 50 у села Беленькое, лук мог быть составным с накладками, так называемого «гуннского типа» (Магомедов, Левада 1996: 309, 313; Магомедов 2001: 77). Обычно такой лук был сложносоставным, имел большой размер, 1,2—1,5 м, с костяными накладками на кибишь для усиления мощности (Никоноров 2002: 278—279). В 378 г. во время штурма Адрианополя лук у готов по размеру был аналогичен римскому, поскольку готы брали стрелы противника и стреляли ими обратно (Amm., XXXI, 15, 11). Подобный лук был достаточно мощным. Вспомним, что брат короля Тейи Алигерн, считавшийся отличным луч-

№4. 2010

ником, поразил из укрепления византийского командира, пробив при этом щит и железный панцирь (Agath., I, 9). Рельеф обкладки кафедры Максимиана показывает у исаилита в библейской сцене продажи Иосифа братьями большой сложносоставной лук гуннского типа; это же оружие для охоты использует Исав на миниатюре «Турского Пятикнижия» (вторая половина V — начало VII в.; Matt 1971: Abb. 131; Narkiss 2007: 94—95, lámina 22). Видимо, данный мощный лук остроготы действительно и использовали. Испанский оружейвед А. Хоффмейр на основании мозарабских миниатюр (X в.), изображающих визиготские сюжеты, также предполагает, что в готской Испании использовали Σ -видный азиатский лук (Bruhn de Hoffmeyer 1972: 89). Судя по миниатюре Пятикнижия, лук носился в налучье восточного типа слева у пояса.

Стрелы, естественно, носились в колчане (Claud., XXVI (De bel. Goth.), 495—496; Sidon. Epist., V, 12, 1: pharetra). Колчаны из жертвенного места в Вимозе были сделаны из кожи или дерева и вмещали 20 стрел (Schlette 1977: 130). Исав на вышеупомянутой миниатюре носит прямоугольный закрытый сужающийся кверху колчан с левого бока у пояса или слева за спиной. В последнем случае можно предполагать простой походный способ ношения, когда оружие не предполагалось использовать.

О конструкции стрел источники почти ничего не говорят. Аммиан Марцеллин (Amm., XXXI, 7, 14) в описании битвы при Салициях называет стрелы обеих сторон «тростниковым оружием». Это, с одной стороны, может быть просто метафорическим описани-

ем, а с другой, учитывая, что тростник был весьма распространенным материалом для древка, можно посчитать данную информацию вполне корректной. Один раз Прокопий, описывая ранение одного из щитоносцев Велизария готской стрелой, которая попала ему в лицо, упоминает, что древко было снабжено наконечником, «имеющим сзади три острия» (Procop. Bel. Goth., II, 2, 17; 28). Видимо, под «тремя остриями» сзади имеются в виду не шипы, последовательно идущие снизу от наконечника, которые не характерны для европейского оружия, а три лопасти, срезанные под острым углом к черешку. Из существовавших в середине I тыс. н. э. типов стрел данная характеристика лучше подходит к трехлопастному ступенчатому (ярусному) наконечнику с треугольной боеголовкой и с тремя срезанными лопастями. В причерноморских степях и в Венгрии найдено несколько подобных наконечников, появление которых связано с гуннами, ведь подобная форма господствовала в Забайкалье и Монголии (Засецкая 1983: 71, 77). В другом пассаже Прокопий (Procop., Bel. Goth., II, 5, 25—27) упоминает железный наконечник, «имеющий большое и длинное острие», которое застряло в лице под глазом, тогда как слабо закрепленное древко выпало; само же острие стало при этом невидимым. Хотя автор и называет наконечник большим, но при таком ранении он, очевидно, имел длину всего лишь несколько сантиметров. Не ясно, специально ли наконечник слабо крепился к древку, чтобы оно выпадало из раны, оставив острие в теле, или просто он был, в данном случае, слабо закреплен. Об обычных типах наконечников стрел

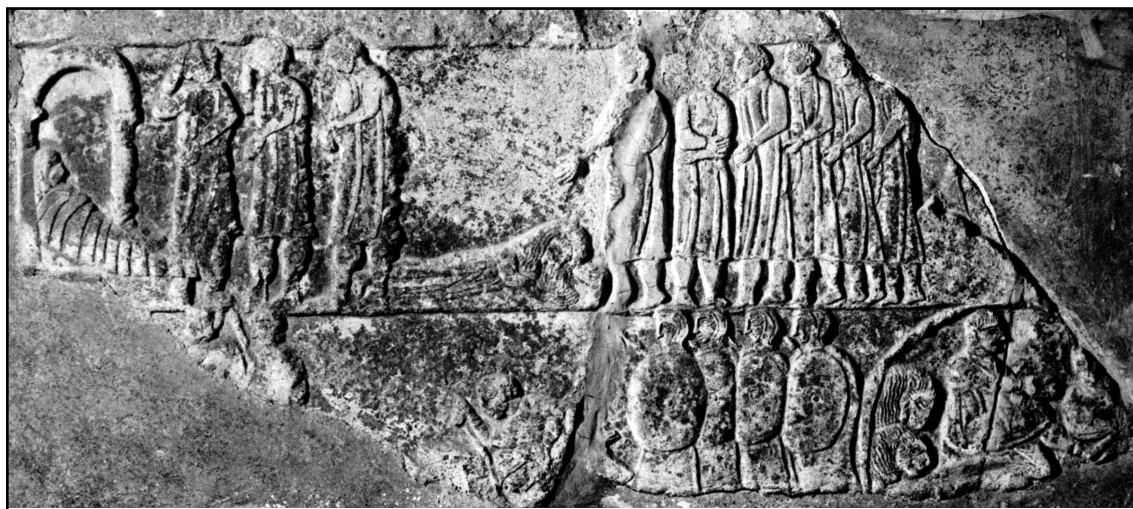

Рис. 5. Фрагмент передней стороны саркофага, происходящего из Алкаудете (первая половина V в.), Национальный археологический музей в Мадриде. На саркофаге изображены библейские сюжеты: погребение Лазаря, Даниил во рву со львами, Давид перерезает горло Голиафу. Воспроизведено по: *Ars Hispaniae* 1947: 239, fig. 240.

свидетельствуют материалы черняховской культуры, в которых найдены плоские железные черешковые или втульчатые наконечники с листовидным или ромбическим острием, иногда с двумя шипами (Магомедов, Левада 1996: 309—310; Магомедов 2001: 80—81).

Лук и стрелы были наряду с метательным копьями основным оружием дистанционного боя, однако готы использовали и другое оружие дальнего боя. Аммиан Марцеллин (Амм., XXXI, 7, 14), описывая битву при Салициях, упоминает, что раны воинам наносились пулями из пращи. Так не могли ли у готов быть воины, вооруженные пращой? Вспомним, что хотя праща и не была распространенным оружием у германцев, тем не менее, ею пользовались (Скобелев 2001: 84—85, 90, табл. 3, рис. 1). Обычно же готы при недостатке метательных снарядов и необходимости вести метательный бой при осадах просто метали камни рукой и в середине III в. (Dexipp. frg., 17b), и в последней трети VII в. (Julian. Hist. Wamb., 12; 13; 18). Для этого способа метания не нужно было учиться, как для стрельбы из пращи, хотя он и был менее дальнобоен. Однако, видимо, метали камни те же щитомосцы, которые вынуждены были вести дальний бой и использовали при этом подручные средства. Если бы существовали какие-то специальные пращники, то они могли быть упомянуты авторами при подробных описаниях осад в III в. Пули же для пращи, упомянутые Марцеллином (*glandes*), очевидно, относятся к римским метателям, тогда как раны — к их противникам готам. Однако позднее, согласно указу Эрвига, господа должны были вооружать некоторых из своих сервов, приводимых в армию, наряду с прочим оружием, еще и пращами (LV, IX, 2, 9). Можно полагать, что это была местная, а не готская традиция, и пращами были вооружены испанцы. Также нельзя быть уверенными, что мужчина в меховой рубахе, изображенный на чаше из Петроасы (Румыния, IV в.) и считающийся готом, держит в правой руке именно пращу, как обычно полагают (Dunăeanu-Vulpe 1967: 23, Abb. 19).

Теперь обратимся к комплексу вооружения всадника. Германский конник был, по традиции всадников, щитомосцем с копьем в качестве главного наступательного оружия (Tac. Germ., 6). Всадники, хотя и не многочисленные, имелись у готов уже в середине III в. Позднее, в последний четверти IV в., во время действий на Балканах наиболее эффективна была конница остроготов, тогда как у визиготов всадниками были в основном вожди и их сопровождающие. В Италии во второй трети VI в. основная масса остроготских во-

инов стала конной, как и визиготская знать в Испании (Sanchez-Albornoz 1970: 18—20).

Переходя к рассмотрению вооружения всадника, стоит заметить, что древние германцы для боя с коня не использовали пики, а сражались копьем и щитом (Tac. Germ., 6). Исторические письменные источники прямо не упоминают наличие щита у рядовых всад-

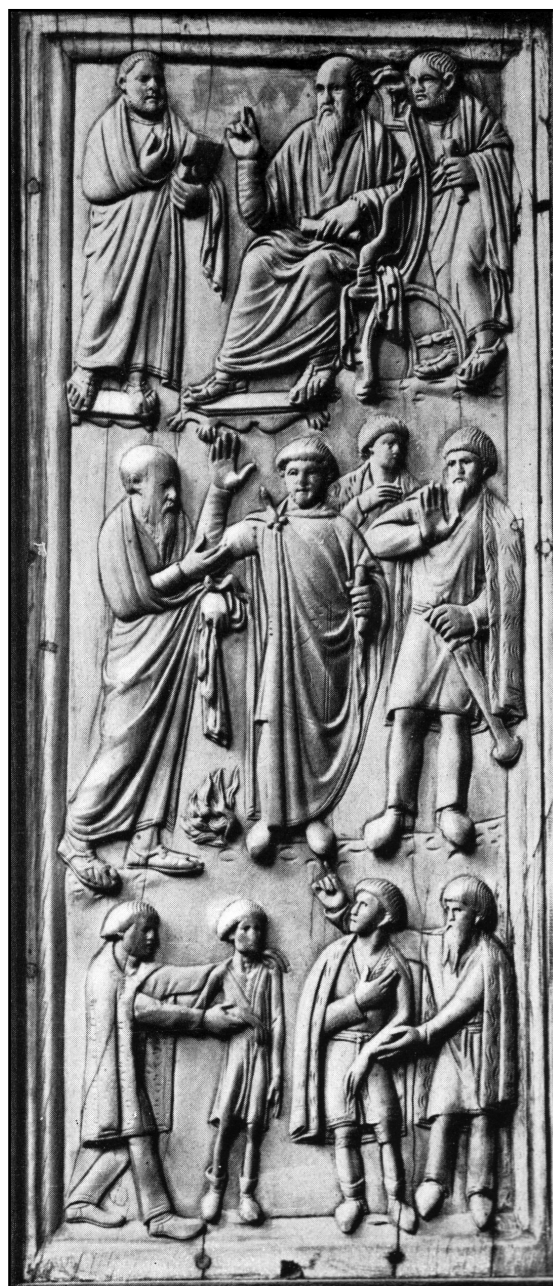

Рис. 6. Левая сторона диптиха из слоновой кости из окрестностей Майнца (вторая половина IV в.). История апостола Павла. Вверху Павел сидит в кресле со свитком. В среднем регистре: апостол перед проконсулом в хламиде с фибулой, справа от последнего — гвардейцы, один из которых варвар в накиннутой меховой куртке. Снизу: четыре человека, в кафтанах и накиннутых куртках. Воспроизведено по: Volbach 1952: Taf. 32, 108.

№4. 2010

ников италийских готов, а Прокопий вкладывает в уста опытного полководца Велизария такую характеристику готских конников: «... всадники, если не происходит рукопашная, не имея, чем защищаться против противников, использующих луки, и легко обстреливаемые, гибнут» (Procop. Bel. Goth., I, 27, 27). Из данного пассажа, как мне кажется, явствует, что в VI в. щиты всадники остроготов не использовали. Об этом же говорит и то, что во время военно-цирковых конных упражнений, которые демонстрировал в начале битвы при Тагине (552 г.) Тотила, он перебрасывал копье из одной руки в другую (Procop. Bel. Goth., IV, 31, 19—20), что было бы сложно сделать при наличии щита в левой руке. Когда готы спешивались, они брали в руки щит, который королю подносили оруженосцы (Procop. Bel. Goth., IV, 35, 22—29). Естественно, в определенной мере отсутствие щита могло быть компенсировано наличием у конных воинов панцирей и шлемов.

Вместе с тем, использование щита всадниками готов можно найти в сложно и различно интерпретируемых пассажах «Стратегикона» Маврикия и в истории архиепископов Равенны, написанной священником Агнеллом в IX в. Маврикий (Maur., Strat., III, 5, 6) рекомендует прикрывать передовым всадникам голову и конскую морду щитом от вражеских снарядов, положив при этом копье на плечо, как это делают «белокурые народы». Можно полагать, что использование щита тут является византийской практикой, тогда как с германцами кавалеристов объединяет лишь манера несения копья в скачке; да и вообще автор «Стратегикона» мог вообще сравнивать данный прием с германцами вообще, а не с готами. Агнелл еще в начале IX в. сам видел во дворце Теодориха в Павии мозаику, представляющую конного короля, одетого в панцирь и держащего копье в правой руке, а в левой — щит (*clipeus*), который был украшен изображением богини Ромы, носящей шлем и копье. По бокам от короля стояли персонафицированные изображения городов Равенны и Рима. Агнелл также знал, что Карл Великий вывез из Равенны статую Теодориха, сидящего на позолоченной бронзовой лошади, который держал в правой поднятой руке копье, а в левой — щит (*scutum*) (Agnell., 94). Эта статуя была перевезена в Аахен в 701 г., где украсила дворец Карла. Однако, опять же сложно сказать, насколько изображения вооружения Теодориха совпадали с реальным: и мозаика, и статуя явно несли на себе идеологическую нагрузку, прославляющую власть короля, и были сделаны по позднеримским образцам.

Кроме того, королевское вооружение могло отличаться от стандартной паноплии рядового всадника.

В IV—VI вв. всадники западных и восточных готов имели на вооружении копья-контосы и мечи.⁹ Данное копье было длинным, о чем сообщает Прокопий (Procop., Bel. Pers., II, 18, 24; ср.: Procop. Bel. Goth., II, 2, 22; III, 30, 13; IV, 29, 26—27; 32, 6; 8). Это копье Прокопий называет, архаизируя свой язык, не «*κοντός*» или, по современной ему византийской традиции — «*κοντόριον*», а просто — «копье» («*δόρυ*»), тогда как термин «*κοντός*» у него имеет древнее первоначальное значение — «шест» (Procop. Bel. Vand., I, 13, 3; 7; 6, 20; Bel. Goth., IV, 11, 33; 34; 37; 60; 23, 32; 31, 9; 35, 30).

Очень приблизительную длину пики всадника можно определить из описания Прокопием (Procop., Bel. Goth., III, 4, 21—29) поединка двух конных копьеносцев, византийского Артабаз и готского Валариса. При сближении Артабаз ранил гота в правый бок (это, скорее всего, говорит о том, что всадники скакали друг на друга, имея противника справа), а копье гота, упершись концом в камень и встав почти вертикально, поразило византийца в шейную артерию, пойдя через панцирь. Принимая высоту человека на коне около 2,5 м, можно примерно подсчитать, что длина копья гота была более этой величины, так как оно все же не могло стоять абсолютно вертикально. Согласно Прокопию, копье всадника имело железный наконечник, который мог пробить вражеский панцирь (Procop. Bel. Goth., III, 4, 26). Видимо, наконечник был небольшим, приспособленным к проникновению через защитное вооружение противника, но в то же время он представлял собой перо, способное нанести кровобильную рану. Как явствует из погребения 196 с удилами из Компанийцев, копья всадников могли иметь простой достаточно узкий листовидный наконечник (Kokowski 1993: 343, № 38; 346, fig. 2c).

Обычно полагают, что контос появился у готов под сарматским влиянием (Boss 1994/95: 24; ср.: Müller 1998: 108—111). И, следовательно, мы можем говорить о двуручном копье, подобном тому, что изображено на блюде из Изола-Рицца. Действительно, нельзя отрицать сильного влияния соседей-сарматов на готов в области не развитого у последних

⁹ Контос — Claud., XXXVI (De bel. Goth.), 484—485; XXVIII (De VI cons. Stilich.), 270; Oros. Hist., VII, 33, 14; Jord. Get., 261 (ср.: lancea — Agnell., 94); меч — Procop. Bel. Goth., I, 27, 27; Greg. Turon. Hist. Franc., II, 37.

всаднического искусства. Подобное влияние сарматы также оказали на германцев-квадов, воины которых к середине IV в. стали всадниками (Амм., XVII, 12, 2—3). Мы даже можем говорить о появлении в Италии у готов настоящих всадников-катафракт, сражавшихся на защищенных конях длинным копьем (см. далее).

Нельзя исключить, что такое длинное копье имело петлю для удобства ношения. Ведь, по версии Евагрия о смерти Теодориха Страбона (481 г.), последний, упав с коня, погиб, наткнувшись на «приготовленное к бою копье», которое «было для него привешено за петлю перед палаткой по варварскому образцу» (Evag. Hist. eccl., III, 25; ср.: Joan. Ant. frg., 211, 5; Theophan., p. 126, ll. 17—19). Скорее всего, копье, приготовленное для предводителя остроготов, было предназначено для боя верхом. Вспомним, что автор «Стратегикона» (Mauric. Strat., I, 1, 5; 2, 2) рекомендовал своим всадникам иметь копье с петлей для забрасывания оружия за плечо, когда нужно было стрелять из лука, действуя двумя руками. Видимо, Маврикий рассказывает в данном пассаже, главным образом, об опыте аваров, от которых подобный способ ношения копья за центральную петлю заимствовали византийцы, ведь по Маврикию (Maur., Strat., XI, 2, 6), такой способ ношения был известен «скифам», то есть гуннам, аварам и тюркам в VI в. Если информация Евагрия верна, то уже к 481 г. готы заимствовали от кочевников подобный способ ношения копья. Хотя надо отметить, что гунны, как и другие средневековые кочевые народы, копья практически не использовали (Никоноров 2002: 287). А если у Маврикия речь шла об аварах или тюрках, то, судя по временной шкале, непосредственно от них заимствование в V в. произойти не могло. Тем более, что использованию петли, казалось бы, противоречит свидетельство Маврикия (Strat., III, 5, 6) о том, что у «белокурых народов» всадники при скачке в ходе наступления, но еще вдали от врага, держали копье на плече. Впрочем, возможно, перед атакой копье держали на плече, поскольку так удобнее было пустить его в действие и — главное — рука не так уставала. Подобный способ ношения пики мы, например, видим, на надгробии всадника-контария I алы канни-нефатов, германцев по происхождению — батавов, установленных к концу I в. в Герулате в Верхней Паннонии (совр. Словакия, II в.; Spreidel 2004: 136—138, fig. 14. 2). Кажется поэтому вероятным, что обычные пики всадников были без петли, которая распространится позднее, в VI в.

Даже у италийских готов, несмотря на государственное обеспечение оружием, не все всадники были вооружены длинными копьями. Так, из некоторых пассажей Прокопия вытекает, что конники имели на вооружении небольшие копья *δρατῖα*, которые подчас синонимично именуются «*ἀκόντια*» — «дротиками» (Procop. Bel. Goth., I, 18, 7; 27, 27; II, 2, 11; 30; III, 11, 24). Последние готы действительно метали во время конного боя (Procop. Bel. Goth., I, 18, 10). У визиготских всадников еще на рубеже VI—VII вв. на вооружении были не только копья для ближнего боя, но и метательные, причем последние были любимым оружием, как об этом заметил современник, епископ Исидор (Hist. Goth., 69—70): «Впредь *они* достойны внимания в искусстве *владения* оружием и сражаются верхом не только копьями, но и дротиками. И удивляют не только конной, но и пешей битвой. Хотя более *они* полагаются на стремительную скачку (*praepeti cursu*) всадников, отчего и поэт сказал: “Гет, который выступает на коне”. Ведь *они* особенно предпочитают упражняться с дротиками (*telis*) и битвы начинать *ими*. *Они* ежедневно ведут полезные боевые состязания». Таким образом, для визиготских всадников была характерна стремительная атака с метанием древкового оружия. Такой способ действия подтверждается, видимо, и рассказом Григория Турского (Hist. Franc., II, 37) о битве при Пуатье в 507 г., где готы предпочитали сражаться издали, а франки вблизи. Возможно, всадники, вооруженные не пикой, а более легким копьем, могли иметь на вооружении еще и щит, продолжая тем самым древнегерманскую традицию конного боя, тогда как конные пиконосцы появились у готов под иноземным влиянием. Действительно, в погребении № 11 в Даганзоде-Арриба было найдено два наконечника копья и длинный меч в богатых ножнах (Zeiss 1934: 65). Поскольку визиготская знать сражалась на конях, то, вероятно, молодой человек, погребенный здесь, был всадником.

Еще одним элементом иноземного, в данном случае кочевого, влияния следует признать использование готами в боевых действиях аркана. Так, Иоанн Малала (p. 364, ll. 11—17) рассказывает об одном эпизоде из истории римско-персидской войны 421—422 гг., о поединке гота Ареобинда, комита федератов, и перса из отряда бессмертных Ардазана: «и вышли оба конными и вооруженными. Ареобинд носил *еще* и аркан по готскому обычаю. Первым же перс двинулся с контосом, но Ареобинд, повернувшись на правую от него сторону, поймал его арканом и, скинув

№4. 2010

с коня, заколол». Таким образом, готский командир действовал арканом весьма умело: он увернулся от удара вражеской пики и, накиннув аркан на противника, сбросил его на землю, а затем прикончил. Причем, Иоанн Малала указывает, что ношение аркана было именно готским обычаем, а не обычаем какого-то другого этноса, что говорит о типичности использования ими этого оружия, по крайней мере, в представлении авторов VI в. (Müller 1998: 114—115). Также, вероятно, в начале V в. визиготы короля Атаульфа использовали арканы, которыми (а не щитами или мешками, как иногда полагают) был пойман военачальник Сар, о чем можно судить по чтению манускрипта А «Библиотеки» патриарха Фотия, пересказывающего здесь «Историю» фиванца Олимпиодора (Olymp., frg. 17 = Phot. Bibl., 80,58b; Никоноров 2002: 288—289).

Для древних германцев защитное вооружение для коня — совершенно инородное явление, однако, возможно, готы в Италии его все же использовали. Прокопий (Procop., *Bel. Goth.*, I, 16, 11) отмечает, что Витигис пошел под Рим, «ведя конных и пеших не менее, чем пятнадцать мириадом, и из них большинство было бронированными вместе с конями». Справедливо считается, что речь идет о всадниках, скакавших на конях с защитным вооружением (Müller 1998: 100; Вольфрам 2003: 435, прим. 85). Однако оборонительное вооружение для коней не было распространено даже у византийцев. В VI в. у них рекомендо-

валось прикрывать железной или неметаллической броней грудь, шеи и морды животных, на которых скакали офицеры и отборные воины (*De re strat.*, 17, 3; *Mauric. Strat.*, I, 2, 6), то есть должны были быть защищены кони всадников, стоящих на фронте, наиболее уязвимые к поражению со стороны врагов. Если мы понимаем фразу Прокопия как свидетельство существования у готов коней, прикрытых защитой, то последнее, скорее всего, как и у византийцев, состояло из налобника, нагрудника и «ошейника». Поскольку для германцев защита коней не характерна, то ее выдали с государственных оружейных фабрик, сохранившихся с римских времен. Цель подобного мероприятия была ясна: защитить не только человека, но и коня от византийских лучников, которые значительно превосходили своим мастерством готов.

В целом можно сказать, что основная масса готской пехоты, по древнегерманской традиции, представляла собой щитносцев, вооруженных различного рода копьями в качестве оружия для дальнего боя и мечом и кинжалом для ближнего. Большой круглый или овальный щит достаточно надежно защищал бойца, не делая необходимым прочее защитное вооружение. Именно с помощью большого щита готы составляли свое традиционное боевое построение — «стену щитов», эффективно прикрывавшее от метательных снарядов врага. Дальний бой вели лучники, на вооружение и умение которых оказали влияние соседние народы. По источникам складывается впечатление, что стрельба была более развита у визиготов, чем у их восточных сородичей. Можно поддержать традиционное мнение о том, что конница была более развита у остготовов, у которых она получила развитие под сармато-аланским кочевым влиянием. Если в конце V в. готские всадники были во многом ездящей пехотой, то после завоевания Италии и налаживания государственного снабжения оружием и конями, они отчасти стали даже катафрактами с конями, защищенными на византийский манер и вооруженными по сарматскому образцу пиками, предпочитавшими ближний бой, на ведение которого накладывал отпечаток еще и племенной «героический» этос. Визиготы же, в более чистом виде, сохранили германские военные традиции, а конница приобрела у них значение позднее, в Галлии и в Испании, однако и она продолжала сражаться в основном с помощью метательного оружия, прикрываясь щитом, тогда как конные копейщики, вооруженные, возможно, по римско-сарматскому образцу, пользовались меньшей популярностью.

Рис. 7. Фрагмент императорского диптиха. Государственная библиотека Гамбурга, (середина V в.). Виктория поражает варвара, видимо, германца. Сзади стоит другой германец, в накиннутой меховой куртке. Воспроизведено по: Volbach 1952: Taf. 12, 46.

Литература

- Вольфрам Х. 2003. *Готы: от истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии)*. Пер. с нем. Б. П. Миловидова, М. Ю. Некрасова. Санкт-Петербург.
- Засецкая И. П. 1983. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV—V вв. н. э.). В: А. С. Скрипкин (отв. ред.). *История и культура сарматов: Межвузовский научный сборник*. Саратов, 70—84.
- Контамин Ф. 2001. *Война в средние века*. Пер. с франц. Ю. П. Малинина, А. Ю. Карачинского, М. Ю. Некрасова. Санкт-Петербург.
- Магомедов Б. 2001. *Черняховская культура: проблема этноса*. Lublin. (Monumenta studia Gothica. T. I.).
- Магомедов Б. В., Левада М. Е. 1996. Оружие черняховской культуры. *МАИЭТ*. V, 304—323, 558—566.
- Никоноров В. П. 2002. Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции. В: *Записки Восточного отделения Российского археологического общества*. Новая серия, I (XXVI), 223—323.
- Окшотт Э. 2004. *Археология оружия: От бронзового века до эпохи Ренессанса*. Пер. с англ. М. К. Якушиной. Москва.
- Радюш О. А., Скворцов К. Н. 2008. Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры. В: *Sarmatia-Germania: Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов*. Сборник материалов. Калининград, 122—157.
- Ardanaz Aitzan F., Rascón Marqués S., Sánchez Montes A. L. 1998. Armas y guerra en el mundo visigoto. *Arqueología, paleontología y etnografía*. Vol. 4: *Jornadas internacionales "Los visigodos y su mundo"*. Ateneo de Madrid. Noviembre. 1990. Madrid, 409—452.
- Ars Hispaniae: Historia universal del arte hispánico*. II. Madrid, 1947.
- Die Alamannen* 1998. (Red. K. Fuchs, M. Kempa, K. Redies, B. Theune-Großkopf, A. Wais). Stuttgart; Zürich; Augsburg.
- Biborski M. 1978. Miecze z okresu wpływów rzymskich na obszarze kultury Przeworskiej. *Materiały archeologiczne* 18, 53—165.
- Bierbrauer V. 1975. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. (Biblioteca degli studi medievali. 7). Spoleto.
- Bitter N. 1976. *Kampfschilderungen bei Ammianus Marcellinus*. (Habelts Dissertationsdrucke. Reihe klassische Philologie. 23). Bonn.
- Bivar A. D. H. 1972. Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier. *Dumbarton Oaks Papers* 26, 271—291.
- Boss R. 1994/95. The Sarmatians and the Development of the Early German Mounted Warfare. In: *Ancient Warrior*. 1. Winter, 18—25.
- Bruhn de Hoffmeyer A. 1972. *Arms and Armours in Spain: A Short Survey*. I. (Gladius. Tomo especial, 1971). Madrid.
- Delbrück R. 1929. *Die Consulardiptychen und verwandte Denkmäler*. Berlin; Leipzig.
- Devillers O., Meyers J. (eds). 2001. *Frédégairre. Chronique des temps mérovingiens*. Traduction, introduction et notes par O. Devillers, J. Meyers. Turnhout.
- Diesner H.-J. 1977. Isidor von Sevilla und das Westgotische Spanien. In: *Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse* 67, 3, 7—127.
- Du Cange Ch. 1887. *Glossarium mediae et infimae Latinitatis*. VIII. Niort.
- Dunăreanu-Vulpe E. 1967. *Der Schatz von Pietroasa*. Bukarest.
- Haldon J. F. 1975. Some Aspects of Byzantine Military Technology from the Sixth to Tenth Centuries. *Byzantine and Modern Greek Studies* 1, 11—47.
- Horsfall N. M. 1969. Aclys and Cateia. *Classica et mediaevalia* 30, 1—2, 297—299.
- Hüpper-Dröge D. 1983. *Schild und Speer: Waffen und ihre Bezeichnungen im frühen Mittelalter*. (Germanistische Arbeit zu Sprache und Kulturgeschichte. Bd. III. Europäische Hochschulschriften. Reihe 1. Bd. 645). Frankfurt am Main; Bern; New York.
- Ihm. 1901. Bebra. In: *Thesaurus linguae Latinae*. II. Fasc. I. Lipsiae. Col. 1797.
- Kaczanowski P. 1992. *Importy broni rzymskiej na obszarze europejskiego Barbaricum*. Kraków. (Universytet Jagielloński. Rozprawy habilitacyjne. № 244).
- Kaczanowski P., Zaborowski J. 1988. Bemerkungen über die Bewaffnung der Bevölkerung der Wielbark-Kultur. In: *Kultura Wielbarska w młodszym okresie rzymskim*. Lublin, 221—239.
- Kazanski M. 1991. *Les Goths (Ier—VIIe après J.-C.)*. Paris.
- Kempf J. G. 1901. Romanorum sermonis castrensium reliquiae collectae et illustratae. In: *Jarbücher für klassische Philologie*. Supplementbd. 26, 337—400.
- Kolias T. 1980. Ζάβα — Ζαβαρείον — Ζαβαρειωτής. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 29, 27—35.
- Kokowski A. 1993. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques). In: F. Vallet et M. Kazanski (eds.). *L'Armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle*. Rouen, 335—354.
- Kontny B. 2008. Brevis gladii et rotunda scuta: Remarks on the Goths' Weapons on the Margin of Tacitus' Text. In: *Sarmatia-Germania: Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов*. Сборник материалов. Калининград, 180—209.
- Lebedynsky I. 2001. *Armes et guerriers barbares au temps des Grandes Invasions (IVe au VIe siècles après J.-C.)*. (Collection des Hesperides). Paris.
- Matt L., von. 1971. *Ravenna*. Köln.
- Mattingly H., Sydenham E. A. 1968. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. V. Pt. 1. London.
- Müller U. 1998. Der Einfluss der Sarmaten auf die Germanen. (Geist und Werk der Zeit: Arbeiten aus dem Historischen Seminar der Universität Zürich. Nr. 88). Bern.
- Muñoz Bolaños R. 2003. *El ejército visigodo: desde sus orígenes a la Batalla de Guadalete*. Madrid.
- Narkiss B. 2007. *El pentateuco Ashburnham: La ilustración de códices en la antigüedad tardía*. Valencia.
- Oldenburg E. 1909. *Die Kriegsverfassung der Westgoten: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde*. Berlin.
- Perevalov S. M., Lebedynsky I. 1998. *Les combattants sarmates et alains dans l'armée romaine*. (Cercle de recherche Gallia-Sarmatia). Saulcet.
- Reinhart W. 1947. Los yelmos visigodos. In: *Archivo español de arqueología*, 20. Abr.-Jun., 122—125.
- Reinhart W. 1950. Germanische Helme in westgotischen Münzbildern. *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte*, 2 (1950—1951), 43—46.

№4. 2010

- Robertson A. 1978. *Roman Imperial Coins in the Hunter Coin Cabinet University of Glasgow*. Vol. IV: Valerian II to Allectus. Oxford.
- Sanchez-Albornoz C. 1938. La caballería visigoda. In: *Wirtschaft und Kultur: Festschrift zur 70. Geburtstag von Alfons Dopsch*. Baden bei Wien; Leipzig, 92—108.
- Schapiro M. 1979. *Late Antique, Early Christian and Mediaeval Art*. (Selected Papers. Vol. III). New York.
- Schlette F. 1977. *Germanen zwischen Thorsberg und Ravenna*. (Kulturgeschichte der Germanen bis zum Ausgang der Völkerwanderung). Leipzig; Jena; Berlin.
- Šćukin M.B. 1993. À propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances). In: F. Vallet et M. Kazanski (eds.). *L'Armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle*. Rouen, 323—333.
- Speidel M.P. 2004. *Ancient Germanic Warriors: Warrior Styles from Trajan's Column to Iceland Sagas*. London; New York.
- Vizcaíno Sánchez J. 2008. Early Byzantine Lamellar Armour from Carthago Spartaria. In: *Gladius*, 28, 195—210.
- Volbach W.F. 1952. *Elfenbeinarbeiten der Spätantike und des frühen Mittelalters*. Mainz. (Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. Katalog 7).
- Wanke U. 1990. *Die Gotenkriege des Valens: Studien zur Topographie und Chronologie im unteren Donauraum von 366 bis 378 n. Chr.* (Europäische Hochschulschriften. Reihe 3. Bd. 412). Frankfurt am Main; Bern; New York; Paris.
- Wroth W. 1911. *Catalogue of the Coins of the Vandals, Ostrogoths and Lombards in the British Museum*. London.
- Zeiss H. 1934. *Die Grabfunde aus dem spanischen Westgotenreich*. (Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. Bd. II). Berlin; Leipzig.

Статья поступила в номер 11 апреля 2010 г.

Alexander Nefedkin (St.-Petersburg, Russia). Doctor of historical sciences. Journal of War History *Para bellum*.

Alexander Nefedkin (S.-Petersburg, Rusia). Doctor în științe istorice. Revista de istorie militară *Para bellum*.

Нефедкин Александр Константинович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук. Военно-исторический журнал *Para bellum*.

E-mail: nefiodkin@mail.ru.